

Darja Ostrogolovaĵa (Дарья Остроголоваĵа)

## НАРОДНАЯ КУКЛА ЛАТГАЛИИ И ПРИДВИНЬЯ: У ИСТОКОВ СОВМЕСТНОЙ ТРАДИЦИИ



Целью данного исследования является определить общие и различные черты в духовной культуре латгальцев и белорусов на основе такого важного объекта культуры этноса как кукла и выявить данные о ее бытовании, внешнем виде, функциях на основе этнографических материалов конца XIX – начала XX вв. В ходе работы было выявлено существование игровых и обрядовых кукол на территории Витебской губернии, в состав которой входила и территория Латгалии. Особенностью этих кукол являлась большая условность изображения, простота исполнения, малочисленность.

**Ключевые слова:** кукла, лялька, культура, традиция, Придвинье (Белоруссия), Латгалия.

### TAUTAS LELLE LATGALĒ UN PIEDVINĀ: KOPĪGAS TRADĪCIJAS AVOTI

*Šā raksta mērķis ir noteikt kopīgās un atšķirīgās latgaliešu un baltkrievu garīgās kultūras iezīmes, balstoties uz tādu svarīgu kultūras etnosa objektu kā lelle, un raksturot lelles esamību, ārējo izskatu, funkcionalitāti, izmantojot 19. gs. beigū un 20. gs. sākuma etnogrāfiskos materiālus. Veicot pētījumu, tika konstatēts, ka Vitebskas guberņas teritorijā (tās sastāvā atradās arī Latgale) ir bijušas spēļu un rituālu lelles. Būtiskākā šo leļļu īpatnība ir saistīta ar nosacītību atveidojumā, vienkāršību izpildījumā un mazskaitlīgumu.*

**Atslēgas vārdi:** spēļu un rituālu lelle, kultūra, tradīcija, Baltkrievijas Piedvina, Latgale.

### FOLK DOLL OF LATGALE AND PRIDVINYE: THE ORIGINS OF JOINT TRADITIONS

*One of the most interesting and at the same time difficult questions for the researcher is to study the culture of the borderland. This is especially true for studying the areas currently disconnected, but which formed a part of a single state and have a long-term history of co-existence within it. This statement is true for the territory of Belarusian Pridvinye and Latgale, which were part of a single state for more than three hundred years. The proximity of these regions, close economic and cultural relations have caused the similarity of the material and spiritual culture of*

both peoples, which was reflected in traditional doll of this region.

*Doll, being both a child's toy and an object having a certain ritual purpose, is an important element of the culture of the ethnos.*

*The purpose of this research is to identify common and different features in the spiritual culture of Belarusians and Latgalians, based on such an important object of the culture of ethnos as the doll, and reveal some information about its existence, appearance, functions on the basis of ethnographic materials of the late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century.*

*The relevance of this work is due to lack of proper researches on the topic outlined above.*

*The ethnographic data collected on the territory of the Vitebsk province and concerned to the people, who inhabited it, were used as the objects for this study. The information about the material and spiritual culture of Latgalians and Belarusians and directly about dolls of this region can be found in the works of M. Sementovskii, E. Romanov and N. Nikiforovskii, E. Voltaire. However, unfortunately, in these studies very little attention was paid to the traditional doll. Most often, this cultural object has stayed out of the range of interests of researchers in the late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century. However, for example, in N. Nikiforovskii's work there is described in details people's attitude to the children's games with dolls and beliefs associated with these games.*

*The existence of several dolls both game and ritual on the territory of Belarus Pridvinye and Latgale was revealed as a result of the study. The traditional set of Belarus and Latgale toys had been formed by the end of the 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century. Demarcation of sacred and utilitarian areas had led to the isolation of functions of game dolls and ritual dolls. Game dolls on these territories were simple and generalized in character. Most of these dolls were made by children themselves from rags, pieces of wool, thread, ash and so on. Their main function was to entertain the child, while adults were busy. The oldest form of such type of the doll, occurring on the territory of Vitebsk province, was a doll "holova". More sophisticated dolls, such as the "prince", "princess", "soldier" and others, have been also found in this area, but the data about the person, it was made by, and what games were associated with them, is practically absent. Only once they are mentioned in Nikiforovskii's work in connection with the description of beliefs, which were widely accepted among the peasantry, that lengthy children's games with dolls-princesses could lead to the forthcoming marriage of a family member.*

*Ceremonial or ritual dolls have accompanied a man during the whole calendar year. Probably, Belarusians and Latvians, as well as Russians, have used dolls in all transitional type ceremonies: Christmas and Yuletide, on Shrove Tuesday, Easter, Midsummer, for the holidays associated with the beginning and the end of grazing, planting or harvest, for christenings, weddings and funerals. The study of ethnographic materials allowed accurately to detect the presence of only one doll-scarecrow of calendar type – scarecrow Mara, which was burnt during the*

*Midsummer holiday. On the territory of the Russian empire and directly in Belarus this doll is no longer found in any of the regions. It is difficult to say, whether the person was accompanied with the doll during such holidays as Zazhinki and Dozhinki in Vitebsk province, or they were characteristic only of the Russian territories. Also, there is no definite information about the participation of dolls in rituals associated with the birth of a child. In the works of ethnographers there is mentioned the fact, that the doll was placed in the cradle, before the child was put there in order to “warm” the cradle. However, there is no information about what was this doll like, its appearance and function.*

*To summarize, we can conclude, that there was an original doll in Latgale and Belarus. Unfortunately, because of the paucity of data on this issue in the ethnographic researches of the late 19<sup>th</sup> – early 20<sup>th</sup> century, it is hard to imagine the whole system of ritual and game dolls, that existed in this region. However, there can be no doubt about the fact, that the doll was not only the subject, that had accompanied a person at his birth and during childhood, but was an essential attribute of festive culture of Latgalians and Belarusians. The common features of Belarusian and Latgalian dolls were caused by several reasons. There were the long-term staying in a single state, the area of residence of two nations, that had been closely related with Western Dvina River as one of the main trade route, the similarity of the calendar and festive culture and, of course, peaceful, friendly attitude of the two ethnic groups to each other.*

*All these factors had led to the formation of common cultural traditions, which were reflected in the doll of this region. The attempt to study in this paper such a phenomenon as a doll of Latgale and Belarus Pridvinye has showed the necessity for further research studies of this question in its indissoluble connection with the studying of material and spiritual culture of two nations.*

**Keywords:** game doll, ritual doll, culture, traditions, Belarusian Pridvinye, Latgale.

Начиная с первых веков нашей эры, на землях, где формировалась белорусская нация, значительную роль играл балтский фактор. Вместе с этим и славянская культура оказала влияние на культуру, язык, быт балтов. Особенно это влияние заметно на территории восточной Ливонии (Латгалии).

В период высокого Средневековья тут складываются раннефеодальные княжества Герцике и Кукенойс, которые являлись вассалами Полоцкого княжества. В XIII в. контроль над этими землями получают крестоносцы, которые захватывают значительные территории Латвии и Эстонии и создают здесь новое государство – Ливонию, в состав которого со второй четверти XIII в. и по 1561 год входило пять духовных княжеств: Ливонский орден, Рижское архиепископство, епископства Курляндское, Дерптское и Эзельское (Тугай 2002: 21). Несмотря на многочисленные военные столкновения

Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Ливонии, между этими территориями устанавливаются тесные торговые связи, которые ведут и к более тесному культурному обмену. Уже с конца XIII в. рижские купцы писали грамоты русским князьям на древнерусском языке, что также может свидетельствовать о проникновении славянской культуры на эти земли (Тугай 2002: 28).

После Грюнвальдской битвы 1410 года, когда Тевтонский орден был полностью разбит, начинается постепенное сближение между Ливонским орденом и ВКЛ. Обе страны искали себе союзника в борьбе с набирающей силу Москвой. После подписания Люблинской унии 1569 года между Королевством Польским и ВКЛ, согласно которой было создано новое государство – Речь Посполитая (РП), земли, которые уже до этого вошли в состав ВКЛ (герцогство Задвинское и вассалы княжества – герцогство Курляндское и Земгальское) и остальная Ливония, стали владениями нового государства. Торговые связи между ливонскими и белорусскими городами еще больше расширяются. Несмотря на то, что после войны между РП и Швецией (1600–1629) вторая получила Видземе, оставшаяся часть Ливонии (и Латгалия в том числе) продолжала находиться в составе польско-литовского государства (Radina 1999: 6). Именно эта часть Ливонии по решению Варшавского сейма 1677 года получила название Инфлянтского воеводства, центром которого стал город Динабург (Дзярновіч 2003: 59). Данная территория восточной Латвии и в дальнейшем продолжала ощущать сильное влияние Великого княжества – языковое (через расширение употребления белорусского разговорного языка), религиозное (католический регион в лютеранской Ливонии), хозяйственное (транзитный регион между северной Беларусью и Ригой).

Со второй половины XVII в. в Латгалии начинают расселяться русские старообрядцы, которые бежали из-под Твери в связи с церковной реформой патриарха Никона. Также, после перехода Ливонии под власть РП, здесь начинает оседать польская, белорусская и литовская шляхта. В 1599 году она составляет  $\frac{2}{3}$  населения города Резекне, другими жителями которого были немцы и латыши (Тугай 2002: 37).

От бушующей чумы 1710 года в Латгалии умирает часть населения, и сюда, на пустующие земли, начинают переселяться люди из России, Беларуси и Литвы.

После первого раздела РП в 1772 году часть территории Беларуси (Полоцкое, Витебское, Мстиславское воеводства), а также территория Латгалии были присоединены к Российской империи. Но уже ко времени этого присоединения население Инфлянтского воеводства (Латгалия) значительной частью состояло из белорусов и русских. Белорусские и латышские земли вошли в состав Витебской губернии. Согласно данным, которые приводит в «Этнографическом обзоре Витебской губернии» А. М. Сементовский, латыши преимущественно проживали в уездах, которые прилегали к границам прибалтийского края и Псковской губернии, а именно в Динабургском, Режицком, Люцинском. В

других уездах Витебской губернии встречались они в сравнительно малом количестве. Всего же на этой территории в последней трети XIX в. проживало 176 149 латышей (20 % всего населения губернии), из которых 159 659 католического вероисповедания (Сементовский 1872: 37). Преимущественно на территории Латгалии селились и белорусы католического вероисповедания: в Режицком уезде 7500 белорусов, в Люцинском – 5000 (Сементовский 1872: 69).

Из всего вышесказанного становятся понятными тесные духовные и культурные связи белорусов и латгальцев, которые нашли свое отражение в праздниках, песнях, обрядах, предметах народного быта и искусства.

Эти связи подкреплялись еще и особым отношением белорусов к латышам, проживающим на территории Витебской губернии. Как отмечает известный культуролог М. Ю. Лотман, одним из признаков моделей культуры является наличие границы, которая делит ее пространство на две различные части (Лотман 2002: 199). В первом случае это разграничение на *этом* (свой, близкий, наш) и *тот* (чужой) миры, и существа населяющие *тот* мир являются принципиально не похожими на *нас*. Исследователь О. В. Белова также отмечает, что в народной культуре отношение к представителям других этносов определяется понятием этноцентризма, когда все *чужое* настороженно отрицается, как неприемлемое и греховное (Белова 2005: 8). Однако Лотман дает и второй вариант разграничения пространства в культуре, когда два мира – *этом* и *тот* – имеют одинаковую мерность, но *чужой* мир принципиально не отличается от *нашего*. В отношении белорусов и латгальцев применима именно вторая формула.

Социально-хозяйственный образ латышей был абсолютно положительным. Основными определениями в их отношении со стороны белорусов были *трудолюбивые, практичные* (Лобач 2009: 53). Календарно-праздничная культура латышей также характеризовалась белорусами крайне позитивно из-за наличия большого количества общих черт с календарными традициями белорусского народа. Эта сфера, кроме всего прочего, являлась областью довольно активного этнического взаимодействия. Интересен тот факт, что латышские хутора включались в программу волочечных обходов, которые происходили на Пасху, а это является свидетельством того, что их поселения выступали в качестве *своей* части мира (Лобач 2009: 56). Лишь язык, непонятный для большей части белорусского населения, отсылал к сфере *чужого*, как что-то непонятное, магическое. Хотя в то же время у белорусов, проживающих на территории Дисненского и Режицкого уездов, в середине XIX в. встречалось много латышских слов (Сементовский 1872: 6).

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что латышское население на территории Витебского уезда воспринималось белорусами как *свое чужое*.

Из-за того, что латгальцы довольно долго находились в тесном соседстве с

белорусами, была сформирована во многом общая духовная и материальная культура, которая, в том числе, нашла свое отражение в традиционной кукле этого региона.

Прежде чем говорить об особенностях белорусской и латгальской куклы, следует дать уточнение понятию *кукла* и определить ее место и функции в жизни населения региона конца XIX – начала XX вв.

Исходя из определения, кукла – это символическое изображение человека либо животного (Морозов 2011: 9). Это та вещь, которая находится в нашем повседневном использовании, начиная с колыбели и до самых последних дней. То, что кукла, в отличие от других игрушек, которыми окружают ребенка, ближе всего изображает человека, выделяет ее, делает более близкой, но в то же время и более загадочной и мистической. В сказках многих народов мира кукла выступает как определенный магический символ, способ передачи информации из потустороннего, скрытого от человеческого взгляда мира, в мир реально существующий. Поэтому и в жизни людей кукла выступает не только в качестве объекта для игры, но также и в роли участника различных обрядово-ритуальных практик.

Кукла, как и любая другая детская игрушка, является важной частью культуры этноса. Через нее передается духовный опыт, накопленный поколениями людей, живших на определенной территории. Игра в куклы – это один из способов социализации ребенка, его общения с внешним миром. К тому же, кукла, в отличие от многих других игрушек, – это не просто вещь, с которой можно поиграть, это еще и *стимулятор, вызывающий нас на творчество* (Лотман 1998: 647). Помимо игровой, обучающей и развивающей функции, кукла в ряде случаев выполняет такие функции как замещение, отпугивание, оберег, управление, общение (Морозов 2011: 117).

Традиционные куклы употреблялись практически во всех семейных обрядах, а также играли важную роль во время календарных праздников.

Активное изучение быта и традиций народов, населявших территорию Российской империи, началось в первой половине XIX в., а более систематический характер приобрело с основанием Русского географического общества в 1845 году. Исследователи того времени уделали большое внимание границам расселения народностей в составе Российской империи, их внешнему виду, быту, материальной культуре. Огромное внимание было уделено и духовной культуре народов, их верованиям, традициям, обрядам. В конце XIX в. начинается целенаправленное изучение детских игр, как одной из форм формирования личности и усвоения ею важнейших законов жизни общества и традиций народа. Внимание исследователей привлекают также и игрушки, которые зачастую выступают одним из атрибутов игры, но также являются и вполне самостоятельным объектом.

К сожалению, изучению белорусской куклы не было уделено должного внимания. Отрывочные сведения непосредственно о куклах этого региона

можно найти лишь в работах А.М.Сементовского, Е.Р.Романова и Н.Я.Никифоровского. В связи со скудностью этнографических данных, касающихся белорусского региона, в современных исследованиях мы чаще всего встречаемся с описанием русской или славянской куклы. Несомненно, русская, белорусская и латгальская кукла имеют ряд сходств, как во внешнем виде, так и по своим функциям, в связи с тем, что регионы их распространения долгое время находились в тесном контакте. Но также очевидно, что белорусская и латгальская кукла имеют отличные от русской черты, которые были обусловлены особенностями духовной культуры данных народов.

Традиционный набор белорусских и латгальских игрушек сложился к концу XIX – началу XX вв. Размежевание сакральной и утилитарной сфер привело к обособлению функции игрушек-кукол и ритуальных кукол (Касцюкевіч 2004: 46).

Чаще всего первых кукол для детей делали их родители либо старшие дети. Как отмечает исследователь Я. Буяк, отличительной чертой игрушки-куклы была ее временность. Обусловлено это самой целью игры – развлечь ребенка в течение короткого промежутка времени, чтобы он не мешал родителям работать (Буяк 1983: 36). Поэтому традиционная кукла чаще всего была сделана из небольшого куса тряпки либо платка, веточки дерева, обрывков нитей, шерсти и т. д. Для всей территории Беларуси характерно изготовление кукол из кусков ткани красного, белого и голубого цветов (Касцюкевіч 2004: 45). Чаще всего такие куклы не имели рук и ног, а туловище являлось весьма условным. Е. Р. Романов отмечал, что довольно распространенным являлось изготовление куколок самими детьми. Для этого они сшивали маленький узенький мешочек, набивали его льняными хлопьями, перетягивали место шеи нитками, и кукла была готова. По желанию ребенка, такую куклу можно было одеть в различные платья, которые мастерились из лоскутов цветной ткани (Романов 1912: 590). Такая простая по своей форме кукла была характерна для населения Витебской губернии. Интересно, что исследователь Покровский дает высокую оценку традиционной кукле с точки зрения педагогики. Он отмечает, что лучшие педагоги сходятся во мнении, что не следует давать детям *игрушек дорогих и чересчур искусно сделанных, а также бессмысленных*. А самыми полезными для детского развития он признает игрушки простые, какими и являются куклы, сделанные родителями или самим ребенком для игры.

М.Ю.Лотман также отмечал, что излишнее сходство куклы с человеком, слишком большая натуральность, большая подробность вложенного в нее сообщения подавляют фантазию, вредят кукле в целом (Лотман 1998: 647).

Отличительными чертами белорусских и латгальских кукол являлась простота, условность и обобщенность образа, в отличие от русской куклы, которая более искусна, но в то же время сложна в изготовлении. Чаще всего русская кукла имела более подобный человеческому вид. Девочки, которые ее изготавливали, старались обязательно сделать ей голову, руки, ноги и др. части

(Зими́на 2007: 19).

Самой древней по форме белорусской куклой являлась голова. Также были известны куклы-закрутки (подобные русской кукле-пеленашке) величиной до 25 см (Зими́на 2007: 19).

Несомненно, кукла являлась в основном игрушкой для девочек. Согласно сведениям конца XIX – начала XX вв., которые приводит в своем исследовании С. У. Костюкевич, *как только ребенок начинает осознанно забавляться (играть), главное место в жизни девочки занимает кукла, с которой она делает как бы репетицию всего того, что ей придется делать со своими детьми, когда она будет матерью. Она учится держать куклу на руках, пеленает ее, прикладывает сосать грудь, колышет в «люльке» (колыбели), поет ей песни, целует и бьет. Дети-девочки белорусов также любят играть в свадьбу и рождение детей* (Касцюкевіч 2004: 47). Однако мальчики в возрасте до восьми лет могли также играть в кукол, хотя указаний на это у этнографов нет.

Среди белорусских и латгальских игровых кукол встречались и персонажи из жизни, такие, например, как *солдат, король, князь, княжна, музыкант, дед, баба, невеста, жених* (Касцюкевіч 2004: 47).

В связи с тем, что кукла являлась не только игрушкой, но имела и сакральные функции, в традиционном обществе сформировалось особое отношение к играм детей, в которых принимали участие куклы. За ними внимательно наблюдали и по-особому толковали, так как верили в предсказательные возможности детей, как трансляторов Божьей воли. Н. Я. Никифоровский в своих очерках о Витебской Беларуси отмечает следующее: *есть игры пророчесственные. К этим последним зорче, внимательнее относятся старшие, как предвозвестникам то грядущих благополучий, то несчастий <...> начатые игры не останавливаются запретом и даже сделанные детьми сооружения остаются неприкосновенными. Наибольшим вниманием возрастных пользуются следующие, несомненно, пророчесственные игры:*

1) *усердное сооружение «лялек» и более продолжительная возня с ними по убаюкиванию, при сердечном уходе, предсказывают скорое появление в доме родственного дитяти;*

2) *такая же возня с «князем и княгиней», посильные песни и плясы при этом пророчат в доме действительную свадьбу;*

3) *небрежное обращение с теми же «ляльками», порча и швыряние их указывают на болезнь домашнего человека; закапывание же в ямы, бросание в воду, в снег прямо говорят о скором домашнем покойнике* (Никифоровский 1897:30–31).

Традиционная кукла являлась не столько игрушкой и объектом декоративно-прикладного искусства, сколько предметом сакральным, играющим важную роль в календарных и семейных праздниках. И в духовной культуре следует отметить большую близость латгальцев и белорусов. В качестве одного из

примеров, можно привести хотя бы тот факт, что различные праздничные игры у латгальцев назывались *жартами*, что ясно указывает на их происхождение из польско-белорусской среды (Вольтер 1890: 67).

Обрядовые или ритуальные куклы сопровождали человека во время всего календарного года. Вероятно, у белорусов и латышей, также как и у русских, куколки и чучела использовались во всех обрядах переходного типа: на Рождество и Святки, на Масленицу, Пасху, Ивана Купалу, на праздники, связанные с началом и окончанием выпаса скота, сева или жатвы, на крестинах, свадьбах и похоронах (Морозов 2011: 112). Однако в этнографических исследованиях упоминания о куклах на территории Витебской губернии относятся лишь к некоторым из вышеперечисленных обрядов.

Так, во время Рождества и Святков среди белорусов и латгальцев были распространены такие забавы как вождение козы или медведя, которые практически идентичны по своей структуре. К отличительным чертам рождественских праздников у латгальцев принадлежит пение *колядок*. У латышей балтийских губерний песен такого рода не встречается. В то же время, не встречается и упоминание об изготовлении на территории Витебской губернии специальных кукол (которые встречались в России), приуроченных к празднику Рождества.

9 марта почиталось населением Витебской губернии как день сорока мучеников. Считалось, что в этот день прилетает сорока и начинает вить себе гнездо, для чего приносит сорок прутьев (Романов 1912: 146). Среди латгальских детей распространено поверье, что тот, кто соберет сорок небольших камешков, будет счастливым (почти аналогичное поверье существовало и среди белорусов Витебской губернии, однако здесь детям необходимо было найти сорок прутиков). Во многих местах Витебской губернии в этот день матери пекли для своих детей сорок *жаворонков* из ржаного либо пшеничного теста. Когда такие маленькие булочки были готовы, одну из них бросали в печь, а остальных раздавали детям и нищим (Романов 1912: 146).

6 апреля крестьянами Витебской губернии отмечался один из важнейших праздников сельскохозяйственного календаря – Св. Юрий, у латышей – Усень. Св. Юрий или Георгий считался покровителем лошадей и всего домашнего скота (Вольтер 1890: 142). Вероятно, у латгальцев Усень когда-то был языческим божеством, которое, благодаря усилиям иезуитов, превратилось в христианского святого. В этот день впервые выводили на пастбище коров и лошадей. Праздник сопровождался многочисленными песнями. Чаще всего он ассоциировался с мужчинами, в то время как Пасха считалась женским праздником. Основное празднество происходило в дневное время, а ночью мужчины гнали скот в поле, там же они пировали и пели песни. Кукол, посвященных этому празднику, на территории Витебской губернии не зафиксировано.

Основной летний праздник происходил в день летнего солнцестояния,

24 июня, – день Ивана Купалы, по-латышски *Лиго*. В этот день молодые девушки плели венки, водили хороводы и пели песни. На территории Витебской губернии кульминация праздника приходилась на ночь, когда молодежь делала из соломы куклу-чучело Мары и с песнями несла ее за деревню, желательно к реке или любому другому водоему. Здесь раскладывался большой костер из соломы, гнилья и всякого лома и хвороста, и на нем сжигалось чучело. Когда оно догорало, присутствующие на празднике молодые люди прыгали через костер и пели песни. В других областях Российской империи (в том числе и на территории остальной части Беларуси) сожжения подобного чучела не зафиксировано; есть лишь упоминания о высоких шестах, на которые одевалось колесо. Такой шест ставили в центр костра. Считалось, что он был либо символом мирового дерева, либо символизировал солнце, что является языческим отголоском. Костер наделялся очистительной силой.

Особой магической силой обладали и травы, собранные в этот день. Девушки собирали их, связывали пучками и хранили дома. Когда кто-либо из домочадцев заболел, такую траву толкли и поджигали. Считалось, что такой ритуал сможет избавить человека от практически любой болезни.

Праздник начала уборки урожая назывался Зажинками. Перед началом жатвы женщина обычно выполняла определенные ритуалы, призванные обеспечить хорошую работу. В Витебской губернии, чтобы не болела спина во время жнива, женщины в Чистый четверг перед Пасхой плели три нитки до восхода солнца, сидя на пороге избы. Во время зажинок они опоясывались ими (Романов 1912: 432). Кукол, связанных с этим праздником, на территории Витебской губернии не встречается.

Следующим праздником календарно-сельскохозяйственного цикла являются Дожинки – праздник окончания жатвы. Повсеместно на территории Беларуси в конце жатвы оставляли небольшой пучок колосьев (*бороду*), с которыми проводился определенный ритуал, направленный на обеспечение хорошего урожая в будущем году. Отличался самобытностью ритуал населения Витебской губернии. На этой территории оставляли горсть из 10 колосьев, которые называли *кустом* (Сементовский 1872: 45). Женщины садились вокруг него и начинали медленно выпалывать в нем траву. После этого следовало взять небольшую краюшечку хлеба, насыпать в ее середину соли и положить среди выполотых колосьев. Далее колосья завивались слева направо и каждая жница была обязана прокатиться по ним несколько раз. Делалось это для того, чтобы в следующем году был хороший урожай и колосья от тяжести клонились к земле. После всего проделанного ритуала, женщины постарше вили венок и одевали его на голову молодой девушке. С поля жницы уходили напевая песню «Спорыш». Хозяйка поля встречала жниц на пороге своего дома, снимала с головы девушки венок и забирала себе, а ее одаривала деньгами и вместе с другими жницами приглашала пировать.

Интересно, что Спорыш у белорусов являлся божеством. Другие названия

его *Рай, Добро*. Спорышом назывались и сдвоенные колосья, находка которых предвещала большую удачу. Латгальцы также испытывали уважение к спорышу, который они называли юмисом (Вольтер 1890: 413). Среди населения Витебской губернии было распространено поверье, что найденный сдвоенный колос нужно обязательно дать овце, чтобы у нее родилось два ягненка. На остальной территории Беларуси спорыш обычно давали женщинам, надеясь на рождение двойни.

С Дожинками связана кукла, известная на территории Российской империи, – Крупеничка или Зерновушка (Дайн 2008: 57). Она представляла собой небольшой мешочек, который наполняли зерном нового урожая и хранили целый год в доме. При посеве такие зерна высевались первыми. В Витебской губернии не зафиксирована такая кукла, однако в дом в красный угол ставился в кошелках зерновой хлеб, который при посеве смешивался с посевным хлебом.

Помимо календарных праздников, куклы участвовали и в семейно-бытовых, таких как рождение ребенка и свадьба.

Рождение ребенка являлось важным событием в жизни любой семьи. Оно было окутано тайной и сопровождалось многочисленными ритуалами, направленными на обеспечение безопасности и здоровья матери и новорожденного. В Витебской губернии рождение ребенка символически описывается как *поездка в Ригу*, что еще раз может указывать на близость латышско-белорусской культурной традиции. На территории Российской империи был зафиксирован интересный обряд «Кувады» (Дайн 2008: 89), в котором важнейшую роль играла кукла-полено либо кукла-пеленашка, выполняющая функцию замещения живого ребенка. Во время родов, глава семьи держал такую куклу в руках и издавал различные звуки, имитируя тем самым процесс рождения ребенка. Считалось, что с помощью такого ритуала можно отгородить мать и дитя от всяческой нечистой силы, которая будет отвлечена куклой. Конечно же, с куклой после такого обряда не играли. Ее ритуально хоронили или сжигали. На территории Беларуси такой обряд не встречается, однако куклы-пеленашки и куклы-кувадки в виде крестиков зафиксированы. Куклу-пеленашку в Витебской губернии клали в колыбель ребенка, чтобы *согреть* ее. После рождения ребенка и до его крещения мать могла сделать куклу-берегиню, которая охраняла бы ее саму и дитя. Такую куклу хранили за иконой и не показывали посторонним, чтобы те не могли ее взглянуть. Такая кукла является общеславянским оберегом, характерным для многих культур, но этнографические данные не дают нам подтверждения существования таких кукол на территории Витебской губернии.

Как можно заметить из вышесказанного, среди кукольных изображений преобладают женские. Многими исследователями это объясняется отголосками древней традиции изображения матери-родительницы, хранительницы рода и домашнего очага (Котова 2005: 61).

Суммируя все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что существовала самобытная латгальская и белорусская кукла. К сожалению, в первую очередь из-за неосвещенности данной проблемы в этнографических исследованиях конца XIX – начала XX вв. нам очень мало известно о таком важном явлении в духовной и материальной культуре латгальцев и белорусов как традиционная кукла. Однако, не подлежит сомнению тот факт, что такая кукла существовала и имела свои особенности и отличия от русской куклы, которые были обусловлены рядом причин. Длительное нахождение в составе одного государства, проживание на территории, приближенной к крупному торговому пути – реки Западная Двина – обусловило тесные контакты латгальского и белорусского населения. Схожесть календарно-праздничной культуры и миролюбивое отношение двух этносов друг к другу сформировало общекультурную традицию, которая была выражена в подобии обрядов, ритуалов, игр, песен.

Кукла – это уникальный предмет культуры, который обладает широким спектром функций (от детской игрушки до ритуального объекта). Белорусско-латгальская кукла впитала в себя все отличительные черты материальной и духовной культуры двух народов, населявших территорию Придвинья. Она была тесно связана с обрядами, верованиями, магией, искусством и др. областями человеческой жизни этих народов, поэтому ее невозможно рассматривать в отрыве от них.

Остается надеяться на то, что исследование такого уникального явления как кукла в ее связи с территорией Латгалии и Беларуси будет продолжено.

## ЛИТЕРАТУРА

- Bujak, J. (1983). O genezie i zmiennych funkcjach lalki. *Zeszyty Naukowe UI. Prace Etnograficzne*. Krakow. 30–46.
- Radiņa, A. (1999). *Latgāļi / Латгалы*. Rīga: N. I. M. S.
- Zięzio, Ryszard (ed., 1994). *Magia lalki. Geneza i zmienność funkcji lalki*. Płock.
- Белова, О. В. (2005). *Этнокультурные стереотипы в славянской традиции*. Москва: Индрик.
- Вольтер, Э. А. (1890). *Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук.
- Дайн, Г. Л., Дайн, М. Б. (2008). *Русская тряпичная кукла. Культура, традиции, технология*. Москва: Культура и традиции.
- Дзярновіч, А. І. (2003). „... innostraLivonia”. *Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін памяж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы V – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і актавы аналіз, I*. Мінск: Athenaеum.
- Зими́на, З. И. (2007). *Текстильные обрядовые куклы*. Москва: Издательство «Ладога-100».
- Касцюкевіч, С. У. (2004). *Семантыка і функцыі традыцыйных цацак беларусаў у XIX–XX ст.* [манускрыпт]. Мінск.
- Котова, И. Н., Котова, А. С. (2005). *Русские обряды и традиции. Народная кукла*. Санкт-Петербург: Паритет.
- Лобач, У. А. (2009). Латвія і латышы ў традыцыйнай карціне свету беларусаў

- падзвіння XIX – першай паловы XX стагоддзя. *Вестник Полоцкого государственного университета = Веснік Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта = Herald of Polotsk State University*, 7. Новополоцк: Полоцкий государственный университет. 51–60.
- Лотман, Ю. М. (1998). *Об искусстве*. Санкт-Петербург: Искусство–СПБ.
- Лотман, Ю. М. (2002). *Статьи по семиотике культуры и искусства*. Санкт-Петербург: Академический проект.
- Морозов, И. А. (2011). *Феномен куклы в традиционной и современной культуре [Кросс-культурные идеологии антропоморфизма]*. Москва: Индрик.
- Никифоровский Н. Я. (1897). Очерки Витебской Белоруссии, VI: Игры и игроки. *Этнографическое обозрение*, 3. Москва. 21–66.
- Никифоровский, Н. Я. (1897). *Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах*. Витебск: Губернская Типо-Литография.
- Романов, Е. Р. (1912). *Белорусский сборник: Быт белоруса. Вып. 8*. Вильна: Типография А. Г. Сыркина.
- Сементовский, А. М. (1872). *Этнографический обзор Витебской губернии*. Санкт-Петербург: Типография М. Хана.
- Тугай, У. В. (1999). *Латышы на Беларусі*. Мінск: Выд. Ул. М. Скакун.
- Тугай, У. В. (2002). *Латышскі этнас у сацыяльна-эканамічным і культурным жыцці Беларусі*. Мінск.
- Церашковіч, Т. А. (1992). *Лялька беларуская*. Мінск: Полымя.